

УДК 342.7

Дискурс прав человека как объект политических исследований**Захарова Олеся Викторовна**

Аспирант,

Департамент политической науки

национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,

101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;

e-mail: zakharovaolesya@yahoo.com

Аннотация

В данной статье представлен анализ сравнительно новой для отечественной политической науки категории «дискурс прав человека». Автор отмечает, что в силу того, что права человека традиционно исследовались в рамках юридической науки, данная категория является недостаточно освоенной и довольно проблематичной для политической науки, в то время как политический дискурс-анализ позволяет преодолеть эти ограничения. Автор анализирует традиционное понимание дискурса прав человека, разработанное в рамках юрико-либерального подхода, раскрывает его основные черты и отмечает, что такое определение не учитывает политическую природу прав человека и их роль в современных политических процессах, что не позволяет в полной мере понять природу и функции дискурса прав человека. Если изначально права человека формировались прежде всего как «язык безвластных», используемый последними для критики режимов и власть предержащих, то на сегодняшний день они превратились в инструмент власти, став неотъемлемым элементом глобального политического дискурса современности. В связи с этим так важно пересмотреть сформировавшееся ранее понимание дискурса прав человека с учетом его политических функций.

Для цитирования в научных исследованиях

Захарова О.В. Дискурс прав человека как объект политических исследований // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 5А. С. 131-139.

Ключевые слова

Права человека, политический дискурс, политический язык, политические процессы, политическая наука.

Введение

Длительное время права человека являлись преимущественно предметом юридической науки и политологами практически игнорировались, на что обратила внимание профессор Э. Эрман, справедливо заметив, что на сегодняшний день дискурс прав человека играет существенную роль в политических процессах как на международном, так и на национальном уровнях, и поэтому не может оставаться за пределами предмета политической науки [Erman, 2005, 11]. М. Фриман, например, пишет, что права человека выступают своеобразным «знаком доверия» в глобальных экономических отношениях, в соответствии с которым страны определяют стабильность и предсказуемость партнеров-государств [Freeman, 2011, 37]. Бейтц, автор «практической» теории прав человека, указывает на то, что права человека выступают в качестве фактора, обосновывающего те или иные формы политического действия одних участников глобального мира по отношению к другим. В частности, они являются неким критерием, который наделяет государства правом на вмешательство со стороны других государств в случае, если права человека нарушаются [Beitz, 2009, 104].

Представитель дискурсивной теории Ю. Хабермас считает, что в демократическом государстве¹ права человека выступают средством институционализации коммуникативных условий для формирования разумной политической воли и являются одним из главных (наряду с народным суверенитетом) условий легитимации позитивного права и соответственной власти (так как, по Хабермасу, власть в демократических государствах конституируется в форме права) [Flynn, 2003, 435]. Иными словами, права человека являются необходимой политической практикой, создающей условия для гражданского участия и делиберативной демократии (HRs as political concept); являются неким инструментом создания пространства для реализации коммуникативной свободы, без которой невозможен диалог между властью и обществом, а значит, и демократия. Таким образом, очевидно, что права человека стали неотъемлемой составляющей политической реальности и требуют серьезного внимания со стороны политологов [Там же, 436].

В связи с этим в последние два десятилетия стало появляться все больше работ, посвященных анализу прав человека в контексте политических процессов². При этом интересно

- 1 Хабермас тесно связывает права человека с демократическим устройством и полагает, что одно не может существовать без другого. С одной стороны, для реализации прав человека необходимы демократические процедуры, с другой – без прав человека невозможно установить демократию, так как именно права человека обеспечивают коммуникативные условия, позволяющие влиянию из публичной сферы перейти в сферу формальной политики и, таким образом, сформировать коммуникативную силу, обеспечивающую демократичное устройство [Flynn, 2009].
- 2 См., например: Cohen J.L. (2008) Rethinking human rights, democracy, and sovereignty in the age of globalization. *Political Theory*, 4 (36), pp. 578-606; Gomez J., Ramcharan R. (2014) Evaluating competing «democratic» discourses: the impact on human rights protection in Southeast Asia. *Journal of Current Southeast Affairs*, 3 (33), pp. 49-77; Gordon N., Berkovitch N. (2007) Human rights discourse in domestic settings: how does it emerge? *Political Studies*, 55, pp. 243-266; Hancock J. (2010) Woodrow Wilson Revisited: human rights discourse in the foreign policy of the George W. Bush Administration. *European Journal of International Relations*, 16 (1), pp. 57-76 и другие.

отметить, что основная масса таких исследований осуществлялась с применением методологии дискурс-анализа, что во многом обусловлено получившим популяризм в политологии общим дискурсивным трендом.

Многие современные ученые отмечают важность изучения дискурсивного аспекта политических процессов и институтов. Старк, например, пишет: «Политический процесс во многом определяется аргументами и утверждениями (а не интересами политических акторов, как утверждает классическая политическая наука, или другими факторами), которые могут и должны быть предметом политического дискурс-анализа» [Stark, 1992, 515].

М. Эдельман, американский исследователь, еще в середине XX века отмечал, что «политический язык и есть политическая реальность..., язык является интегральным элементом политической сцены – не просто инструментом для описания событий, но и частью событий, оказывающей сильное воздействие на формирование их значения, содействуя оформлению политических ролей, которые признают и политические деятели, и общество в целом» [Герасимов, Ильин, 2002, 5]

М.Л. Гейз также определял политику как «языковую деятельность, в которой язык используется для информирования других о политических проблемах и для убеждения в необходимости принять участие в действиях, связанных с данными проблемами» [Там же, 18].

Р.М. Смит, хоть и не сводил политику к понятию дискурса, но отмечал, что «политический дискурс является одним из измерений политического поведения, измерением, которое должно быть исследовано, так же как и другие аспекты, для того, чтобы построить всеобъемлющий портрет политической жизни» [Stark, 1992, 514].

О важности дискурсивных исследований в политической науке пишет и М.В. Ильин: «... каждый политический «мир» живет и создается своим биоинтеллектуальным моделированием, своим дискурсом. А раз так ... никакой политический институт или процесс нельзя в смысловом отношении «измерить» без анализа дискурса, без использования инструментария семиотики. В конечном счете любые нормативные интерпретации политики, любые описания политических фактов или эмпирические сопоставления явлений являются лишь ограниченными фрагментами политической действительности. Чтобы сложить эти осколки в некое подобие мозаики, а тем более чтобы придать им некий обобщенный смысл и единство, необходимо выявить как общую логику биоинтеллектуального моделирования (семиотическую систему политики), так и совокупность процессов такого моделирования внутри отдельных политических «миров» (политические дискурсы)» [Ильин, 2002, 20].

С другой стороны, как отмечает Эрман, права человека – довольно проблемный для политической науки объект: во-первых, в силу того, что традиционно они являлись предметом юридической науки, и это делало права человека для политологов невидимыми, а во-вторых, изучение данного феномена с политической точки зрения затрудняется отсутствием взаимосвязи между исследованиями прав человека в сравнительной политологии и политической теории и философии [Erman, 2005]. «Эти ограничения могут быть преодо-

лены через использование дискурсивного методологического подхода в рамках политической науки, так как, по словам Эрман, фокус на дискурсивных функциях прав потенциально может позволить ухватить ранее неразличимые аспекты политики прав человека» [Там же, 2005]. Таким образом, исследование прав человека в рамках политического дискурс-анализа, рассматривающего данный концепт прежде всего как дискурс, представляется весьма перспективным.

Дискурс прав человека: концептуализация понятия

Несмотря на значительную представленность данной темы в научной литературе, мало кто пытался вывести дефиницию дискурса прав человека. Большинство работ такого рода, как правило, опускают вопрос операционализации понятия «дискурс прав человека», ограничиваясь указанием на дискурсивное направление, в рамках которого данное исследование проводилось.

Одна из немногих попыток сделать это принадлежит Л. Кор (L. Khor). В своей работе "Human Rights Discourse in a Global Network ..." она пишет, что дискурс прав человека охватывает, с одной стороны, международные акты по правам человека (такие как всеобщая декларация, Пакты 1966 и пр.) и другие правительственные документы, которыми государства обмениваются в сфере прав человека. С другой стороны, он включает в себя также и «неофициальные материалы, язык прав человека, правозащитную идеологию и этику», среди которых литература, фильмы, поэзия, театральные постановки, создаваемые артистами / людьми искусства и транслируемые публике через публичные представления, фестивали и другие формы публичного искусства [Khor, 2016, 15]. При этом основным критерием принадлежности тех или иных официальных и неофициальных документов к данному дискурсу выступает их приверженность «языку, идеологии и этике прав человека, как они выражены во Всеобщей декларации прав человека» [Там же, 13]. Само понятие *дискурс* Л. Кор рассматривает с точки зрения широкого понимания дискурса Фэрклоу, определяя его как совокупность: 1) индивидуальных актов дискурса прав человека (то есть язык / лексикон и тексты); 2) набор конвенциональных практик, которые управляют вышеупомянутыми индивидуальными актами (дискурсивные и социальные практики); 3) систему идей и ценностей, которые связывают между собой практики, а также практики с индивидуальными актами дискурса [Там же, 14].

Текст, так же как постструктуралисты, Кор трактует как любой письменный, устный, визуальный или мультимедийный продукт, включая сюда нормативно-правовые акты, речи актеров, фотографии, флайеры и фильмы. Под социальными практиками понимается определенный набор способов использования языка, идеологии и этики прав человека, которые отдельные индивиды или группы используют, когда они действуют «во имя прав человека» [Там же, 15]. Дискурсивные практики рассматриваются как разновидность социальных

практик и определяются как определенный набор способов производства текстов, составляющих дискурс прав человека [Там же, 15]. Хотя Кор различает дискурсивные и социальные практики, тем не менее, если понимать под текстом любое выступление, любой акт искусства, то тогда понятия социальной и дискурсивной практик, в сущности, совпадают.

Признавая научную ценность попытки Кор вывести дефиницию дискурса прав человека, все же следует отметить, что за пределами внимания автора остается важный для понимания рассматриваемого концепта вопрос о субъектах данного типа дискурса. По сути, исходя из определения автора, предполагается, что субъектом может быть любой, кто говорит о правах человека в рамках «идеологии и этики прав человека, как они выражены во Всеобщей декларации 1948 года». Однако вопрос о том, что же под этим понимать, остается открытым. Очевидно, что дискурс неправительственных организаций о правах человека и дискурс глав государств по той же теме различаются, и зачастую эти две группы – правозащитные НКО и государства – выступают антагонистами в борьбе за свое понимание прав человека. Таким образом, вряд ли на сегодняшний день можно говорить о некоей единой идеологии и этике прав человека, а следовательно, и о единообразном, монолитном дискурсе прав человека.

Невнимание Кор к данному аспекту, на наш взгляд, обусловлено тем, что, выводя свою дефиницию, она исходила из юридико-либеральной концепции прав человека, которая характеризуется следующими чертами: 1) определение прав человека диктуется международным правом; 2) права человека выступают юридическим механизмом ограничения государственного суверенитета; 3) права человека признают юридическое равенство государств, что означает, что данный концепт применяется для оценки правонарушений в данном государстве, независимо от его политического режима и геостратегических ценностей [Guilhot, 2008, 506]. Таким образом, в рамках этой концепции права человека репрезентируются в отрыве от политического контекста, что и сказалось на определении, предлагаемом Кор.

Права человека как политический дискурс

Акцент на юридической природе прав человека объясним, поскольку первоначально правозащитное течение развивалось именно как юридический дискурс (хотя, безусловно, опираясь на философско-нравственные положения), о чем свидетельствует то, что свое международное выражение термин «права человека» нашел именно в юридических актах, в то время как в широком общественном дискурсе этот концепт еще не был распространен. Впоследствии неоконсерваторам удалось отделить концепт права человека от его легалистской основы и превратить его в политический проект [Там же, 503].

На сегодняшний день понимание концепта «права человека» существенно отличается от того, которое было дано во времена принятия Всеобщей декларации. Международный дискурс прав человека первоначально формировался как язык притесненных, как язык морали,

противопоставляемой политике («антиполитика»), что особенно подчеркивали апологеты правозащитного движения, как, например, советские диссиденты [Moyn, 2010, 130-139]. Основными субъектами дискурса прав человека выступали церковь, неправительственные организации, такие как Amnesty International, и представители интеллектуальной элиты (А.Д. Сахаров, А.И. Солженицин) [Там же, 150]. Политики не оперировали языком прав человека вплоть до конца 1970-х годов, пока американский президент Дж. Картер не провозгласил их одним из ключевых концептов своего политического курса (что, по свидетельству Мойна, произошло под влиянием церкви) [Там же, 146]. Иными словами, права человека являлись именно инструментом нравственной критики в адрес «аморальной» политики.

В настоящее время права человека из «языка безвластных» превратились в инструмент власти, став неотъемлемым элементом глобального политического дискурса современности. Ведущие ученые мира призвали наконец признать, что права человека не могут быть вне политики [Ignatieff, 2001; Erman, 2005]. Таким образом, без учета политической составляющей дискурса прав человека невозможно в полной мере понять его сущность.

В связи с этим представляется продуктивным использовать концепцию Кор с учетом подхода Т. Эванса, который отмечает, что дискурс прав человека не является неким монолитным образованием, а представляет собой совокупность трех взаимосвязанных дискурсов: юридического, философского и политического [Evans, 2005, 1051]. Философский дискурс прав человека, согласно Эвансу, конструируется вокруг концептуализации оснований требований прав человека. Его субъектами выступают прежде всего представители интеллектуальной и академической элиты. Юридический правозащитный дискурс фокусируется на корпусе многочисленных международных правозащитных актов, тогда как его основными акторами выступают различные национальные и международные правозащитные организации. Политический дискурс направлен прежде всего на контекстуализацию формируемых в философском и юридическом дискурсах ценностей и выводит на первый план вопросы власти и интересов, воспроизводимых через конструирование определенной доминирующей концепции прав человека [Там же, 1052-1053]. Соответственно, субъектами политического дискурса выступают участники политических процессов – в первую очередь, главы государств, лидеры политических партий и другие представители высшей политической элиты, способные оказывать влияние на формирование публичного дискурса.

Однако, как отмечает Т. ван Дийк, не любое высказывание политика может рассматриваться как политический дискурс. Чтобы быть признанным таковым, данное высказывание должно быть совершенно в условиях политического контекста, под которым Т. ван Дийк понимает то или иное коммуникационное событие или мероприятие, как, например, заседания правительства, парламентские сессии, различные бюрократические процедуры, избирательные кампании, митинги, шествия или иные протестные акции и интервью для медиа» [Dijk, 1995, 14].

Помимо этого, политический дискурс может называться таковым, если он выполняет политические функции или может иметь политическое применение и в качестве цели имеет оказание влияния на принятие политических решений, распределение социальных ресурсов и власти, установление или изменение официальных норм, законов и т. п. [Там же].

Заключение

Несмотря на значительную представленность данной темы в научной литературе, мало кто пытался вывести дефиницию дискурса прав человека. Большинство работ такого рода, как правило, опускают вопрос операционализации понятия «дискурс прав человека», ограничиваясь указанием на дискурсивное направление, в рамках которого проводилось исследование. Анализ подходов к определению данной дефиниции позволяет прийти к выводу, что под политическим дискурсом прав человека следует понимать совокупность текстов (как письменных, так и устных) и политических практик, посвященных теме прав человека, авторами которых являются представители высшей политической элиты и которые были произведены в рамках политического контекста с целью удержания и распределения власти.

Библиография

1. Ильин В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. 2002. № 3. С. 5-21.
2. Beitz Ch.R. The Idea of Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2009. 232 p.
3. Dijk van T.A. What is political discourse analysis? Amsterdam: Benjamins, 1995, pp. 11–52. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf>
4. Erman E. Human rights and democracy: discourse theory and global rights institutions. Aldershot: Ashgate, 2005.
5. Evans T. International human rights law as power / knowledge // Human Rights Quarterly. 2005. Vol. 27. No. 3. P. 1046-1068.
6. Flynn J. Habermas on human rights: law, morality, and intercultural dialogue // Social theory and practice. 2003. Vol. 29. No. 3. P. 431-457.
7. Freeman M. Human rights: an interdisciplinary approach. Cambridge: Polity Press, 2011.
8. Guillhot N. Limiting sovereignty or producing governmentality? Two human rights regimes in U.S. political Discourse // Constellations. 2008. Vol. 15. No. 4, pp. 502-516.
9. Ignatieff M. Human rights as politics and idolatory. Princeton. NJ: Princeton University Press, 2001.
10. Khor L. Human rights discourse in a global network: books beyond borders. London and New York, Routledge: Taylor and Francis Group, 2016.

11. Moyn S. The last utopia. Human rights in history. Cambridge, Massachusetts, and London: Belknap Press of Harvard University Press, 2010.
12. Stark A. Political-discourse analysis and the debate over Canada's lobbying legislation // Canadian journal of Canadian science. 1992. Vol. 25. No. 3. P. 513-534.

Human rights discourse as a research object of political science

Olesya V. Zakharova

Postgraduate,
Department of political science,
National Research University "The Higher School of Economics",
101000, 20 Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zakharovaolesya@yahoo.com

Abstract

The article presents an analysis of concept "discourse of human rights", that is relatively new concept in the domestic political science. The author notes that this category is underdeveloped and problematic for political science because human rights were being studied in the framework of legal science traditionally. Political discourse analysis allows to overcome these limitations. The author analyzes the traditional understanding of human rights discourse developed in the framework of a liberal approach, reveals its main features, and notes that this definition does not take into account the political nature of human rights and their role in contemporary political processes, which does not allow to understand absolutely the nature and function of the discourse of human rights. In the past human rights were formed primarily as "powerless language", and used for the criticism of the regimes and the powers, but now they are an instrument of power, integral element of the global political discourse of modernity. In this regard, it is important to review understanding of human rights discourse in its political functions that was formed previously. Analysis of approaches to this definition allows to come to the conclusion that beneath of the political discourse of human rights should be understood as a set of texts (both written and oral) and political practices on the theme of human rights, the authors of which are representatives of the highest political elite, and which were produced in the political context, with the aim of keeping and distribution of power.

For citation

Zakharova O.V. (2016) Diskurs prav cheloveka kak ob"ekt politicheskikh issledovaniy [Human rights discourse as a research object of political science]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 5 (5A), pp. 131-139.

Keywords

Human rights, political discourse, political language, political processes, political science.

References

1. Beitz Ch.R. (2009) *The idea of human rights*. Oxford: Oxford University Press.
2. DijkvanT.A.(1995)*Whatispoliticaldiscourseanalysis?*Amsterdam:Benjamins.Availablefrom:
<http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf> [Accessed 20/08/2016].
3. Erman E. (2005) *Human rights and democracy: discourse theory and global rights institutions*. Aldershot: Ashgate.
4. Evans T. (2005) International human rights law as power / knowledge. *Human Rights Quarterly*, 3 (27), pp. 1046-1068.
5. Flynn J. (2003) Habermas on human rights: law, morality, and intercultural dialogue. *Social theory and practice*, 29 (3), pp. 431-457.
6. Freeman M. (2011) *Human rights: an interdisciplinary approach*. Cambridge: Polity Press.
7. Guillhot N. Limiting sovereignty or producing governmentality? Two human rights regimes in U.S. political Discourse. *Constellations*, 4 (15), pp. 502-516.
8. Ignatieff M. (2001) *Human rights as politics and idolatry*. Princeton. NJ: Princeton University Press.
9. Il'in V. (2002) Politicheskii diskurs kak predmet analiza [Political discourse as subject of analysis]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 5-21.
10. Khor L. (2016) *Human rights discourse in a global network: books beyond borders*. London and New York, Routledge: Taylor and Francis Group.
11. Moyn S. (2010) *The last utopia. Human rights in history*. Cambridge, Massachusetts, and London: Belknap Press of Harvard University Press.
12. Stark A. (1992) Political-discourse analysis and the debate over Canada's lobbying legislation. *Canadian journal of Canadian science*, 3 (25), pp. 513-534.